

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Л.Г. Золотых

Кафедра современного русского языка
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, Астрахань, Россия, 414056

В статье рассматривается реализация значения фразеологической единицы в художественном дискурсе. Анализируются различные приемы модификации фразеологической семантики. Определяется взаимосвязь фразеологических единиц и авторской семантико-стилистической системы.

Фразеологическая единица, являясь системным языковым элементом, представляет собой структурно-семантический образец, определенную инвариантную модель, с которым соотносится тот или иной знак косвенно-производной номинации. Фразеологическая единица, претерпевая формально-содержательные видоизменения, наполняется индивидуализированным смысловым содержанием в том или ином речевом окружении.

В процессе смысловой реализации фразеологического значения в художественном дискурсе проявляется адаптация фразеологических единиц к авторскому идиостиллю. Жанровая принадлежность текста, установки автора и читателя, полноценная инициация смыслов, внетекстовые и экстралингвистические факторы являются особенностями художественного дискурса, часто характеризующегося прямым нарушением того, что фиксировано сознанием как вероятностная норма действительного мира. Динамический характер художественного дискурса дает возможность его трактовки как специфического коммуникативного акта.

В центре внимания фразеологической прагматики, на наш взгляд, также находятся стилистические возможности фразеологических единиц и те смысловые

нюансы, которые ими порождаются в коммуникативном акте, что позволяет выявлять особенности фразеологической семантики в разных функциональных стилях и литературных жанрах, определить взаимосвязь фразеологической единицы и авторской семантико-стилистической системы в ситуации художественного дискурса.

Подчиняясь авторскому замыслу, фразеологические единицы обнаруживают скрытые, на первый взгляд, смысловые нюансы, без учета которых совершенно невозможно понять их функции в речи героев и словах автора. В качестве примера рассмотрим особенности функционирования фразеологической единицы *висеть на волоске* (*книжн.*) ‘оказаться в опасности, под угрозой гибели’ в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в разговоре Пилата и Иешуа:

— Чем ты хочешь, чтобы я поклялся? — спросил, очень оживившись, развязанный.

— Ну, хотя бы жизнью твоею, — ответил прокуратор, — ею клясться самое время, так как она *висит на волоске*, знай это!

— Не думаешь ли ты, что ты ее *подвесил*, игемон? — спросил арестант, — если это так, ты очень ошибаешься.

— Пилат вздрогнул и ответил сквозь зубы:

— Я могу *перерезать* этот волосок.

— И в этом ты ошибаешься, — светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, — согласишься, что *перерезать* волосок уж наверно может лишь тот, кто *подвесил*?

Автор играет с образом этой фразеологической единицы, с ее компонентами, используя как значение целостной косвенно-производной единицы, так и значения компонентов, ее составляющих. В результате словесной дуэли Иешуа и Пилата фраза *висеть на волоске* приобретает новые смыслы: появляется образ некой могущественной силы, которая может *подвесить* и *перерезать* *волосок жизни*. С помощью этой модифицированной фразеологической единицы автор актуализирует тему условности барьеров между жизнью и смертью и одновременно дает речевые характеристики героев. Типичная игра в кошки-мышки, по драматическим условиям которой сильный с издевкой показывает свое превосходство: у него власть, и поэтому он сильнее и не нуждается в каких-либо более веских аргументах. В том же диалоге М.А. Булгаков продолжает с помощью фраземы рисовать образ высшей силы: «Не знаю, кто *подвесил* твой язык, но *подвешен* он хорошо». Эллиптированная фраза *язык хорошо подвешен* у кого (*шутл.-ирон.*) ‘кто-либо обладает красноречием, умеет спорить, гладко говорить’. Эта реплика характеризует Пилата как человека, относящегося к вере как к проявлению слабости людей, кроме того, давая оценку Богу, Пилат ставит себя с ним на одну ступень. Проявляются смысловые нюансы в художественном дискурсе в столкновении фразеологических единиц книжного и разговорного стилей по отношению к одному и тому же образу — образу Всевышнего или силы, его олицетворяющей.

Также и в современном художественном дискурсе модификация фразеологической семантики предопределяется смысловой деструкцией: автор предлагает читателю найти в своей памяти заявленный концепт, который является частью их общего знания. Существенная зависимость фразеологического смысла от контекста, выбор автором необходимой позиции в высказывании, конкретное фразеологическое окружение — основные причины, обуславливающие понимание фразеологической единицы читателем. Например:

А тот ужас, тот страх безумный *вошел с детства в кровь и в плоть и в темные глубины души* тоже, и пусть разум его вытеснил из сознания где-то в наших глубинах, закоулках он еще живет (Ю. Мамлеев. Вечный дом).

Трансформация фраземы *войти в кровь и в плоть* 'оказаться прочно усвоенным' осуществляется за счет расширения компонентного состава (*и в темные глубины души*) на основе однотипной тематической соотнесенности компонентов: *кровь — плоть — душа*.

В течение месяца раза два-три в неделю он так упорно падал, точно в заколдованном круге, будучи не в силах добиться своего, пока секрет его не открылся. Один мальчуган с соседнего двора так и прозвал его потом *«павший ангел»* — и эта кличка прилепилась к нему (Ю. Мамлеев. Вечный дом).

Осуществляется структурная трансформация фраземы, ср.: *падший ангел* 'человек, отвергнутый обществом' — *павший ангел*. Оказиональная замена компонента *падший* на *павший* в фраземе *павший ангел* приводит к экспликации внутренней формы фразеологического значения с помощью контекстального окружения «В течение месяца раза два—три в неделю он так упорно падал...». Речевые смыслы при таком понимании можно интерпретировать как коммуникативно-прагматические варианты фразеологического значения.

В процессе речевой реализации значения фраземы создается его своеобразный коммуникативно-денотативный фон, образующийся ассоциативными связями адгерентного и ингерентного характера с предыдущими фрагментами речемыслительного акта. С одной стороны, диапазон таких ассоциативных связей обуславливается коммуникативно-прагматической структурой художественного дискурса, а с другой, порождает фразеосемантическое варьирование.

Особенности смысловой реализации фразеологического значения в художественном дискурсе обуславливаются следующими факторами: 1) жанровой принадлежностью текста; 2) коммуникативно-прагматическими установками автора и читателя, предполагающими семантическое варьирование фразеологических единиц; 3) инициацией смыслов; 4) пропозициональными и экстралингвистическими факторами. Следует заметить, что названные факторы «работают» комплексно, что чаще всего проявляется при использовании такого популярного приема, как двойная актуализация (двойное кодирование), или буквализация фразеологического значения. Например:

...Отматфеян и не говорит, отделяется междометиями «угу», «ага», а все понятно, потому что он не чужой, но свой, и мы не хотим открывать Америку, узнавать этих «новых» людей, как они устроены, где у них живет душа — в мозге, в сердце или у них *душа в пятки ушла*... (В. Нарбикова. Видимость нас).

Фразеологическая единица *душа в пятки ушла* 'кто-либо испытывает сильный страх' реализует обстоятельственное значение: буквализация смысла достигается с помощью обстоятельства места, выраженного наречием *где* и однородными обстоятельствами *в мозге, в сердце* <...> *в пятки ушла душа*.

Отматфеян бросил оружие к ногам и достал *белый флаг* из кармана, вытер им рот, свернул на кухню — запить битву (В. Нарбикова. Видимость нас).

Фразеологическая единица *достать белый флаг* 'сдаться, принять свое поражение' реализует одновременно буквальное и фразеологическое значение. Актуализация денотативного значения осуществляется сочетанием буквализации с метафоризацией (флаг — носовой платок). Буквализация достигается на фоне контекстуального окружения: *из кармана, вытер им рот*, а метафоризация — на фоне фасеты «поражение»: *бросил оружие; битва*.

Ее кожа была масляная от крема, и он *катался как сыр в масле* (В. Нарбикова. Видимость нас).

Фразеологическая единица *кататься как сыр в масле* 'жить в довольстве, имея все в изобилии' выступает в своем предметно-денотативном значении, буквализация смысла достигается с помощью препозиционного контекстуального окружения (Ее кожа была масляная от крема). Поэтому фразеологическое значение несколько погашается за счет наложения первичного и вторичного дискурсивных полей.

В художественном дискурсе способность контекстуального окружения служить актуализатором фразеологического значения обеспечивается набором одинаковых презумпций или пресуппозиций. Возникающая в результате этого модификация фразеологической семантики подчинена созданию выразительности и изобразительности художественного дискурса.

Смысловая вариативность узуальных фразем обнаруживается в художественном дискурсе, как правило, при использовании автором приема языковой игры. Например:

...Ключевых дел мастер был мастером на все руки: ... мастер приделал ему крепление к лыжам и конькам, починил молнию на сумке, смазал, наточил, заправил... (В. Нарбикова. Видимость нас).

Повтор лексемы *мастер* способствует не только гиперболизации смысла фразеологической единицы *мастер на все руки* 'человек, умеющий все делать, искусный во всяком деле', но и усилению ее образности.

«Ты почему сейчас так на него смотрела?» — «На кого?» — «На того атлета» — «На какого?» — «В углу атлет, пропорциональный *до мозга костей* своим мозгам и костям...» (В. Нарбикова. Видимость нас).

Языковая игра создается сочетанием фразеологической единицы *до мозга костей* 'полностью, целиком, во всем' с омонимичными словоформами *мозгам* и *костям*. Прагматический результат — насмешливый каламбур.

...И самый *ясный* ответ на этот *неясный* вопрос — «любишь?» — это «не — а — ага», он *ясный, как ясный день* «не-а-ага» (В. Нарбикова. Видимость нас).

Каламбурный эффект достигается за счет повтора слова *ясный / неясный*, как *ясный день* ‘совершенно ясно, очевидно’.

Она, конечно, приняла мое возмущение *охотно* и даже *за милую душу* (М. Палей. Каберия с обводного канала).

В данном случае наблюдается употребление фраземы в несвойственном для нее смысловом ракурсе дискурсивного поля: за счет речевой синонимизации фраземы *за милую душу* ‘охотно, с удовольствием’ и лексемы *охотно*.

Фразеологическое окружение может вызывать также структурно-семантическую трансформацию фразеологической единицы с целью усиления идейно-художественной и эстетической значимости смыслового варианта фраземы для достижения гармонии смыслового содержания данного дискурсивного поля. Например:

С умытых ушей его капала вода реки, а сама река медленно струилась мимо него <...> со всеми своими рыбами, плоскодонками, древними парусными суднами, <...> с пустыми консервными банками и тяжелыми шапками монахов, пятнами мазута, с почти неразличимыми лицами паромщиков, *с яблоками раздора* и *грушами печали*... (С. Соколов. Школа для дураков).

Буквализация фразеологической единицы *яблоко раздора* ‘причина, предмет спора, вражды’ осуществляется за счет употребление фраземы в ряду однородных членов с предметным значением (с рыбами, плоскодонками, древними парусными суднами с отраженными облаками, с яблоками раздора) и плеоназмом *груши печали*. В данном случае смысловая вариативность фразеологической единицы вызывается совмещением двух разных стилистических приемов: потока сознания и буквализации.

Мы работали там и тут, здесь и там — повсюду, где была возможность *наложить*, то есть, *приложить* руки (С. Соколов. Школа для дураков).

На основе контаминации фразеологических единиц *накладывать руку* 1) ‘присваивать, захватывать что-л., завладевать чем-л.’; 2) ‘подчинять целиком своему влиянию, власти; расправляться с кем-либо или чем-л.’ и *приложить руки* — ‘принять участие в каком-л. деле; быть причастным к какому-л. делу’ осуществляется приращение окказионального смысла: ‘участвуя в каком-л. деле, присвоить что-л.’.

Какая чепуха, — отвечает Акатов, — вы совершенно нормальны, совершенно, я предполагаю, многие женщины согласились бы *пойти* с вами *по жизни рука об руку* — и никогда бы не пожалели (С. Соколов. Школа для дураков).

Образование окказиональной фразеологической единицы путем объединения двух синонимичных единиц в одну: *пойти по жизни рука об руку* ‘обручившись, в тесном единстве, вместе, совместно, одной семьей’ наполняет ее более емким дискурсивным смыслом.

Смысловые нюансы и стилистические возможности фразеологических единиц с модифицированной семантикой сообщают тексту определенное эмоциональное звучание, интегрируя когнитивно-дискурсивный потенциал фраземы в авторскую семантико-стилистическую систему художественного дискурса.

**THE COGNITIVE-PRAGMATIC POTENTIAL
OF FRASEOLOGICAL SEMANTICS
IN LITERARY DISCOURSE**

L.G. Zolotykh

Department of Modern Russian Language
Astrakhan State University
Tatishev str., 20A, Astrakhan, Russia, 414056

That's why the attention of the researcher is being focused on the fraseological units in the process of its semantic realization in the literal discourse. Different ways of modification of fraseological semantics are analysed. The connecting of fraseological unites and author's semantically-stylistic system.